

ПАМЯТЬ
III
НУЛЕВОЙ
ЧЕЛОВЕК

ОН ЕСТЬ В КАЖДОЙ РЕАЛЬНОСТИ.
НО КТО ОН НА САМОМ ДЕЛЕ?

ZERO

НИКИТА ДАНИЛОВ

18+

Никита Данилов

Нулевой человек

<https://litres.ru/74426534>

SelfPub; 2026

Аннотация

После гибели одной из реальностей Реченск начинает меняться. Улицы получают несовместимые продолжения, знакомые люди помнят разные жизни, а границы оставшихся миров сливаются. Виктор Карелин и Ася Левина ищут того, кто скрывается под именем ZERO и появляется у разрывов. Они считают его виновником катастрофы, пока не узнают: ZERO не разрушает миры, а пытается сохранить их, используя чужие тела и решая за людей, чья жизнь важнее. След ведёт к станции «Литейная», в нулевое пространство и к источнику, существовавшему задолго до Виктора. Чтобы остановить принудительное объединение, героям придётся отказаться от поиска единственной правильной версии прошлого и признать право каждого человека на собственную память, ошибку и отказ. Но за пределами города проснулся наблюдатель. На его терминале миры обозначены как вычисляемые модели. Среда, которую он считает настоящей, носит имя BASE-1. Если созданное сознание способно любить, бояться и выбирать, кто может назвать его ненастоящим?

Содержание

Часть I. Чужие края	4
Глава 1. Дом без двери	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Нулевой человек

Часть I. Чужие края

Глава 1. Дом без двери

Пятнадцатого февраля дом появился между аптекой и прачечной.

Виктор заметил его из автобуса. Два верхних этажа прошли за стеклом, потом остановка закрыла обзор рекламным щитом. Он успел увидеть серую штукатурку, пять одинаковых окон и женщину с пакетом, стоявшую лицом к стене.

На этом месте раньше был проезд.

Виктор ездил здесь к матери не реже двух раз в месяц. В декабре на проезде буксовал мусоровоз. В январе Соня считала жёлтые столбики вдоль тротуара и сбилась на двенадцати. Неделью назад Ася прислала фотографию аптеки: проверяла, не меняется ли номер дома после обновления карты. Справа от вывески была видна прачечная, между ними уходила узкая дорога к гаражам.

Теперь дорогу занимала пятиэтажка.

Виктор нажал кнопку выхода. Автобус уже отъехал от остановки и выпустил его у рынка. Пришлось возвращаться вдоль снежной каши, обходя людей с сумками. Правая но-

га двигалась нормально, рука тоже, но он всё равно сжал и разжал пальцы. Дарья просила не превращать каждую странность в неврологическую пробу. Он обещал.

Возле прачечной пахло порошком и горячим металлом. Дом стоял там же. Если он возник из-за приступа, приступ продолжался слишком аккуратно: женщина ушла, на её месте курил парень в зелёной куртке, снег с карниза падал настоящими тяжёлыми кусками.

Виктор не подошёл сразу. Снял перчатку, достал телефон и открыл фотографию Аси. Снимок был сделан девятого февраля. Аптека, прачечная, проезд. На заднем плане гараж с синими воротами.

Он поднял телефон на уровень глаз. Гараж теперь виднелся через окно первого этажа нового дома.

Не отражался. Синие ворота находились за стеклом, будто комната между ними оставалась пустой.

Виктор сделал один снимок и убрал телефон. Раньше снял бы фасад, углы, соседние номера, следы фундамента. Потом позвонил бы Асе и попросил сохранить копии в трёх местах. После Марка любое копирование ощущалось как действие, которое сначала нужно оправдать.

Он обошёл аптеку. Стена нового дома начиналась вплотную к водосточной трубе. Между зданиями не проходила даже ладонь. Со стороны прачечной было так же. Ни арки, ни подъездной двери.

Окна первого этажа висели выше человеческого роста.

За первым стояла пустая сушилка для белья. За вторым горел телевизор. На третьем подоконнике лежала апельсиновая корка, свёрнутая спиралью. Синие ворота гаража были видны за четвёртым. Пятое окно закрывала штора.

Парень в зелёной куртке бросил окуроч в снег.

– Вход не подскажете? – спросил Виктор.

– Какой?

– В этот дом.

Парень посмотрел на фасад, потом на Виктора.

– Вам куда?

– Пока внутрь.

– Очень конкретно.

Он пошёл к рынку. Виктор догнал его у киоска.

– Вы отсюда вышли?

– Я здесь курил.

– А живёте где?

Парень назвал улицу на другом конце города и спросил, не из управляющей ли компании Виктор. Услышав отрицательный ответ, потерял интерес.

– Дом как дом. Подъезд со двора.

– Во двор как пройти?

Парень оглянулся. Между аптекой и прачечной не было прохода. С другого торца дом упирался в кирпичную стену склада.

– Обойдите, – сказал он уже неуверенно.

– С какой стороны?

– Да господи. С любой.

Он ушёл, не проверив собственный совет.

Виктор позвонил Асе.

– У тебя сохранился снимок аптеки?

– Привет. Да. Зачем?

– Между ней и прачечной стоит дом.

На линии зашуршало. Ася, вероятно, отодвинула ноутбук или пакет с завтраком.

– Адрес.

– Харитонов, двадцать восемь. Но сначала открой фотографию.

– Уже. Проезд на месте.

– Не обновляй файл.

– Я не идиотка.

– Я не это хотел сказать.

– Ты всегда не это хочешь сказать. Стой там. Ничего не загружай в облако.

Виктор посмотрел на единственный сделанный снимок.

– Уже снял.

– Один?

– Один.

– Выключи синхронизацию и пришли мне контрольную сумму.

– Ты только что попросила ничего не загружать.

– Контрольная сумма не фотография.

– Но подтверждает, что файл существует.

Ася замолчала.

– Ладно. Пока не присылай. Я еду.

– У меня мать ждёт.

– Тогда иди к матери.

– Дом может измениться.

– А она может решить, что ты опять выбрал работу. Дом хотя бы не обидится.

Виктор сбросил вызов не сразу. За пятым окном шевельнулась штора. На секунду показалось лицо, но ткань просто отлипла от стекла.

До дома Галины Петровны оставалось семь минут пешком. Он записал адрес на бумажном чеке из аптеки, не описывая увиденное, и положил чек в отдельный карман. Когда поднял голову, на фасаде появился номер: 30.

До этого таблички не было.

Он не стал возвращаться.

Мать открыла после второго звонка. На ней был старый бордовый халат и новые шерстяные носки, один серый, другой синий.

– Нормальные у меня есть, – сказала она вместо приветствия. – Эти дома тёплые.

– Я ничего не спросил.

– По лицу видно. Проходи, холод напускаешь.

В прихожей стояли две пары женских сапог. Одни принадлежали матери. Вторые были коричневые, с узким голенищем и стёртым каблуком.

– У тебя кто-то?

– Уже нет.

– Чьи сапоги?

Галина Петровна посмотрела вниз.

– Маринины.

Виктор не снял куртку.

– Какие Маринины?

– Не начинай с порога. Я пирог разогрела.

Она прошла на кухню. Виктор потрогал носок сапога. Кожа была холодной, в складке белела соль. Обувь явно носили этой зимой.

Марина, старшая сестра Виктора, умерла подростком. Так он помнил. Несколько больничных коридоров, мать у окна, чёрная куртка, купленная слишком большой и оставшаяся новой. Подробности каждый раз расходились, но взрослой Марины в его жизни не было.

На кухне стояли две тарелки. Мать убрала вторую, заметив его взгляд.

– Ты сказал, к часу.

– Сейчас без двадцати.

– Она раньше ушла.

– Кто?

– Твоя сестра. Кто ещё?

Галина Петровна положила пирог на доску и взялась за нож. Рука у неё дрожала сильнее обычного.

– Мам.

– Только не говори со мной как Дарья с пациентами.

– Марина умерла.

Нож остановился в корке.

– Я знаю.

– Тогда чьи сапоги?

– Её.

– Ты сказала, она ушла раньше.

– Сказала.

Мать разрезала пирог. Кусок развалился, начинка высыпалась на стол. Она собрала капусту пальцами и положила обратно.

– Сначала она работала в библиотеке, – сказала Галина Петровна. – Потом ушла в вашу эту запись. Голоса собирала. По дворам ходила. Всё ей было мало одного дела.

– Марина погибла в шестнадцать.

– В семнадцать.

– Ты помнишь похороны?

– Не спрашивай глупости.

– Помнишь?

– И похороны помню. И как она вчера принесла сапоги.

Одно другому мешает только тебе.

Виктор сел. На холодильнике магнитом была прижата квитанция. Поверх печатного текста мать карандашом написала два телефонных номера. Возле первого стояло библиотека, возле второго архив района. Оба номера начинались одинаково, последние четыре цифры различались.

– Ты звонила?

– По первому. Сказали, такой не работает. По второму женщина ответила, что Мара сегодня не придёт.

– Кто?

– Марина.

– Ты сказала «Мара».

Мать отрезала второй кусок, хотя Виктор не притронулся к первому.

– Не придумывай.

Он достал телефон и положил экраном вниз. Записывать разговор без согласия не собирался. Но мог проверить номера позже, если мать позволит.

– Откуда они у тебя?

– Она написала.

– Когда?

– Один вчера. Другой давно.

Почерк был не материнский и не Викторов. Буква р уходила ниже строки, цифра четыре оставалась открытой. Он видел похожие пометки на обороте семейной фотографии, но не мог вспомнить, когда именно.

– Можно я заберу квитанцию?

– Нет. Мне за свет платить.

– Перепишу номера.

– Зачем?

– Проверить, кто ответит.

– Потом опять принесёшь папку и скажешь, что одной мо-

ей дочери не было?

– Я такого не говорил.

– Пока не говорил.

Она поставила перед ним чай. Чашка была синяя, без скола. Виктор помнил такую у Севера и Нины, но эта стояла у матери много лет. Или он только сейчас назначил ей прошлое.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? – спросил он.

– Лампочку в ванной поменял. Я третий раз говорю.

– С Мариной что делать?

– Ничего. Она взрослая.

– И одновременно умерла?

Мать села напротив.

– У тебя был человек, которого все забыли.

– Марк.

– Может, Марк. Я не помню. Ты не заставлял меня выбирать, приходил он или нет. Почему с ней хочешь?

– Потому что обе версии не могут быть одним прошлым.

– Значит, у меня два.

– Так не бывает.

– Домой ко мне тоже раньше чужие мысли не приходили. Теперь бывают. Пирог будешь?

Виктор взял вилку. Капуста была пересолена. Он съел половину куска, пока мать рассказывала о библиотеке. В этой версии Марина окончила институт, проработала семь лет в читальном зале, потом начала записывать воспоминания ста-

риков о затопленных улицах. Мужа у неё не было. Она носила коричневые сапоги и забывала перчатки.

Потом Галина Петровна без перехода вспомнила больничную палату. Марина лежала под кислородной маской и была слишком маленькой для коричневых сапог. Врач говорил, что ночь решающая. Мать помнила номер палаты, вкус воды из автомата и дырку на рукаве Виктора. Он сидел рядом в куртке, хотя сам тогда был младше неё на три года.

– Какая память сильнее? – спросил Виктор.

– Зачем тебе сильнее?

– Если одна появилась недавно, это можно проверить.

– И что потом?

– Не знаю.

– Вот сначала узнай.

Она не позволила фотографировать сапоги и квитанцию. Разрешила переписать номера без пометок. Виктор записал их на том же аптечном чеке, где уже стоял адрес нового дома.

– Звонить при мне будешь, – сказала мать.

– Ты только что не хотела проверки.

– Я не хочу, чтобы ты потом пересказал удобную половину.

Виктор набрал номер библиотеки и включил громкую связь. Ответила девушка, представилась дежурным библиографом. Марину Карелину она не знала. Поиск по сотрудникам занял меньше минуты.

– У нас работала Мара Ильинична, – сказала девушка. –

Но давно. В карточке увольнение не указано.

Галина Петровна подвинулась к телефону.

– Сколько ей лет?

– Простите, персональные сведения я не сообщаю.

– Она сегодня была на работе?

Девушка попросила подождать. В трубке заиграла мелодия из семи нот. Последняя оборвалась до разрешения, и запись началась сначала.

– У нас нет сотрудницы с таким именем, – сказала девушка, вернувшись. – Вы, вероятно, спрашиваете об авторе фонда. Карелина-Веденеева, Мара Ильинична. В каталоге есть её материалы.

– Вы только что сказали, что она работала у вас.

– Я сказала?

– Двадцать секунд назад.

– Возможно, неправильно прочитала карточку. Простите.

Виктор спросил, можно ли получить номер фонда. Девушка назвала 4813. Мать закрыла глаза.

– Хватит, – сказала она.

Он завершил звонок. На экране длительность разговора составляла двенадцать секунд.

– Мы говорили дольше, – сказал Виктор.

– Я знаю, сколько мы говорили.

– Ты слышала фамилию?

– Слышала женщину, которая сама не знает, кто у неё работал.

– Карелина-Веденеева тебе знакома?

– Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро, но Виктор не стал ловить мать на интонации. Она имела право не открывать то, чего сама боялась.

Второй номер принадлежал городскому архиву. Мужчина с сильным голосом выслушал фамилию и соединил с отделом устной истории. Там никто не ответил. Через сорок семь секунд включился автоответчик:

– Проект «Голоса района» временно закрыт. По вопросам использования записей обращайтесь к правообладателю.

Имя правообладателя отсутствовало. После сигнала мать наклонилась к телефону.

– Марина, сапоги заberi. Мне в них ходить некуда.

Виктор отключил запись прежде, чем автоответчик принял сообщение.

– Зачем? – спросила она.

– Ты не знаешь, кто получит голос.

– А ты знаешь, что ей он не достанется?

– Нет.

– Тогда не решай быстро.

Он снова набрал номер, но линия сообщила, что не существует. Квитанция на холодильнике изменилась: возле архив района последние две цифры стали другими. Виктор сверил со своим чеком. У него сохранился прежний вариант.

Мать сняла квитанцию и положила на стол между ними.

– Теперь можешь фотографировать.

– Почему передумала?

– Потому что бумага уже врёт при мне. Одной мне с ней спорить не хочется.

Виктор сделал снимок обеих записей, не включая сапоги и кухню. Отправил матери копию, затем спросил, кому ещё она разрешает показать изображение. Галина Петровна назвала Асю и Дарью, после паузы добавила Соню.

– Соне пока незачем, – сказал Виктор.

– Тогда зачем спрашивал меня?

– Хотел понять границу.

– Граница не означает, что ты обязан тащить ребёнка к ней сегодня.

Она забрала квитанцию и снова прикрепила к холодильнику. На белой поверхности остался более светлый прямоугольник. Рядом висела фотография школьного праздника. Виктор стоял у края кадра лет в десять, мать была моложе, чем он привык её помнить. Между ними находилась девушка в тёмной юбке. Верх фотографии закрывал магнит, лицо девушки было видно только до глаз.

– Это Марина? – спросил он.

– Сегодня да.

Мать сняла магнит. Девушка оказалась взрослой, лет двадцати пяти. На обороте стоял 2038 год, невозможный для биографии сестры Виктора и ещё не наступивший в его календаре. Ниже карандашом было написано: Мара приехала

на один день.

Галина Петровна прочитала и вернула снимок на холодильник изображением к стене.

– Ты знала эту фамилию, – сказал Виктор.

– Я знала почерк.

– Чей?

– Не твой.

Она больше ничего не объяснила. Виктор не перевернул фотографию снова. В этот день мать уже разрешила ему увидеть больше, чем собиралась.

В ванной перегорела обычная лампа. Он заменил её на светодиодную, вытер пыль с плафона и нашёл на стиральной машине женскую перчатку. Красную, с чёрной ниткой у манжеты.

– Маринина? – спросил он.

– Моя.

– Ты носишь варежки.

– Теперь буду перчатки.

Он положил её обратно.

В прихожей коричневых сапог уже не было. На коврик стояли материнские валенки и пакет с пустыми банками.

– Ты убрала?

– Что?

– Маринины сапоги.

Галина Петровна посмотрела на свободное место.

– Она забрала.

– Мы оба были на кухне.

– Значит, раньше. Ты долго с лампочкой возился.

Виктор открыл дверь на лестницу. Лифт стоял на их этаже, кабина была пуста. На мокром полу тянулись следы узких каблучков. Они начинались у материнской двери и заканчивались перед стеной рядом с мусоропроводом.

Он присел. Следы не обрывались постепенно, их носки упирались в плинтус. Краска на стене оставалась сухой и старой.

– Мам, подойди.

– Не буду я по лестницам в халате ходить.

– Только посмотри из двери.

Она выглянула, придерживая ворот.

– И что?

– Следы.

– Грязь как грязь.

– Они идут в стену.

– Уборщица размажет обратно.

Виктор сфотографировал только пол и спросил разрешения матери сохранить кадр рядом с квитанцией. Она махнула рукой, затем потребовала повторить вопрос без слова разрешение.

– Можно я покажу Асе эти следы?

– Показывай. Меня к ним не приписывай.

Лифт закрылся сам и поехал вниз. Табло показало шестой этаж, хотя в доме матери было пять. Через секунду цифра

сменилась первой.

– Ты видела?

– Видела, что лифт опять сломан.

Галина Петровна вернулась в квартиру и вынесла Виктору контейнер с пирогом.

– Возьми Соне. И не рассказывай ей про покойников за едой.

– Марина для тебя покойник или взрослая дочь?

– Сегодня обе. Завтра посмотрим.

Она закрыла дверь. Виктор остался между следами, стеной и лифтом, который продолжал открываться на несуществующем этаже.

И каждый факт требовал отдельного объяснения.

Когда Виктор вышел, Ася уже ждала возле подъезда. Она держала бумажную карту города, сложенную вчетверо. Электронный планшет остался в машине.

– Ты быстро, – сказал он.

– Я сорок минут здесь. Ты не отвечал.

В телефоне было три пропущенных вызова. Звук стоял на максимуме. Виктор не слышал ни одного.

– У матери две версии сестры.

– Живой и мёртвой?

– Взрослой и умершей подростком. Взрослая работала в библиотеке и городском архиве.

Ася не стала спрашивать имя. Развернула карту на капоте. Проезд между аптекой и прачечной был отмечен тонкой

серой линией.

– Дом видела? – спросил Виктор.

– Видела стену. Обошла квартал. Входа нет.

– Люди внутри есть.

– Свет, телевизор и движение за шторами есть. Людей мы не проверяли.

– Я говорил с мужчиной, который считал, что вышел оттуда.

– Он сказал, что вышел?

– Нет. Сказал, что подъезд со двора.

– Значит, не улучшай ответ.

Виктор показал единственную фотографию. Файл не изменился. Дом занимал центр кадра, в четвёртом окне синели гаражные ворота.

Ася приложила карту к экрану, не снимая сравнение. Контур здания совпал с детским рисунком Лизы: прямоугольник, пять окон, выступ справа. На рисунке тоже не было входа.

– Ты принесла оригинал? – спросил Виктор.

– Копию от руки. Оригинал у Сони. Она разрешила сравнить форму, не адрес.

– Адрес уже здесь.

– Это наш адрес. Не её.

Они подошли к дому вместе. В окнах горел вечерний свет. За вторым кто-то прошёл с полотенцем на плече. За пятым женщина поливала растение. Стена у аптеки была холодной

и цельной.

Ася посчитала окна, затем этажи.

– Снаружи пять, – сказала она.

– А внутри?

– На карте шесть.

Она показала новый слой. На бумаге проступала лестница, которой минуту назад не было. Шесть коротких площадок поднимались вдоль пустого прямоугольника и заканчивались у стены.

Виктор достал чек. Адрес Харитонов, 30 сохранился. Два номера матери тоже. Между ними появился маленький чёрный квадрат.

– Ты его рисовал? – спросила Ася.

– Нет.

Квадрат был напечатан, не нарисован. Чернила проходили сквозь бумагу и закрывали часть аптечного логотипа. На обороте знак оказался таким же ровным.

Ася не стала фотографировать чек.

– В прошлый раз такие метки означали карантин.

– В R-42.

– Теперь она здесь.

За стеной включился лифт. Они слышали, как кабина поднялась, остановилась на шестом этаже и открыла двери в доме, у которого не было входа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.